O.V.K — X.T.R

ИСКУССТВО ПАМЯТИ

МЕСТА, ОБРАЗЫ И ПОРЯДОК

ПРИЁМЫ, УПРАЖНЕНИЕ И ОБОРОТНАЯ СТОРОНА

O.V.K — X.T.R

ИСКУССТВО ПАМЯТИ

МЕСТА, ОБРАЗЫ И ПОРЯДОК

Изложение приёмов, упражнений и пределов —
от Симонида и римских риторов к дворцу памяти,
к числам, именам — и к обманчивости припоминания

НАСТОЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

«Помнит не тот, кто больше вмещает, а тот, кто заранее знает, где искать. Память есть порядок, а не сосуд».

— из наставлений учителя красноречия

Книга писана для того, кто учит наизусть,
и для того, кто полагается на своё припоминание.
Приёмы изложены как приёмы,
обманы памяти — как обманы,
и ничто не выдаётся за дар.

ОГЛАВЛЕНИЕ

❖ ❖

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ОТКУДА ОНО

I. Что такое искусство памяти 2
II. Слово и его происхождение 3
III. Три основания 4
IV. Симонид и рождение приёма 5
V. Римские риторы 6
VI. Средние века: память как добродетель 7
VII. Театры памяти и Джордано Бруно 8
VIII. Забвение искусства и его возврат 9

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. КАК УСТРОЕНА ПАМЯТЬ

IX. Три действия памяти 11
X. Малый объём и его обход 12
XI. Забывание и его закон 13
XII. Повторение с промежутками 14
XIII. Извлечение сильнее перечитывания 15
XIV. Смысл и глубина обработки 16
XV. Место, состояние и подсказка 17
XVI. Сон и память 18

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ПРИЁМЫ

XVII. Дворец памяти: устройство 20
XVIII. Выбор мест и порядок обхода 21
XIX. Образ: правила составления 22
XX. Связывание в цепь 23
XXI. Числа: превращение в слова 24
XXII. Колода образов 25
XXIII. Слова чужого языка 26
XXIV. Имена и лица 27

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ. ПРИЛОЖЕНИЕ

XXV. Речь без бумажки 29
XXVI. Учение книг и наук 30
XXVII. Числа в обиходе 31
XXVIII. Состязания памяти 32
XXIX. Дневной порядок занятий 33
XXX. Записная книжка против памяти 34
XXXI. Память с годами 35
XXXII. Чего упражнение не переносит 36

ЧАСТЬ ПЯТАЯ. ОБОРОТНАЯ СТОРОНА

XXXIII. Человек, который не забывал 38
XXXIV. Воспоминание складывается заново 39
XXXV. Уверенность не есть точность 40
XXXVI. Припоминание, наведённое извне 41
XXXVII. Мнимые чудеса памяти 42
XXXVIII. Чего искусство памяти не может 43
XXXIX. Правила упражняющегося 44
XL. Заключение: место, образ, порядок 45

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

*

ОТКУДА ОНО

Кто сложил это искусство, как оно служило риторам,
во что обратилось в монастырях и у мистиков
и отчего было забыто, а после возвращено

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Что такое искусство памяти

❖

Искусством памяти зовётся собрание приёмов, посредством коих усваиваемое обращается в *образы* и размещается по *местам*, известным заранее, — так, чтобы припоминание сделалось обходом, а не поиском.

В основании его лежит наблюдение, доступное всякому. Мы дурно помним отвлечённое — числа, перечни, чужие слова — и превосходно помним места, где бывали, и вещи, которые видели. Всё искусство состоит в том, чтобы первое положить на второе.

Приём этот стар и не требует ни дара, ни особого устройства ума. Всякий, кто может представить свою кухню и провести по ней взглядом, имеет всё нужное; остальное — упражнение и порядок.

Заметим сразу, чего оно не даёт. Оно не делает памяти вместительнее вообще; оно даёт *способ* для того, что положено в него нарочно. Понимания предмета оно не заменяет: заученное без смысла остаётся набором знаков, хотя бы и удержанным крепко.

Оттого книга разделена так. Часть вторая — о том, как устроена память по нынешним сведениям, ибо приёмы без этого слепы. Третья — сами приёмы. Четвёртая — приложение к делу. Пятая — оборотная сторона: обманы памяти, которых не отменяет никакое искусство.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Слово и его происхождение

❖

У греков искусство это звалось *мнемоникой* — от Мнемосины, матери муз, олицетворявшей память. У римлян — *ars memoriae*, искусство памяти, и почиталось оно частью риторики, наравне с изобретением доводов и с произнесением.

Различим два слова, которые смешивают. *Мнемоника* — всякий приём запоминания, хотя бы и мелкий: присказка о цветах радуги, счёт костяшками на руке. *Искусство памяти* в старом смысле — целая система с местами, образами и порядком.

Части его древние делили на две. *Память вещей* — удержание содержания, ходов рассуждения, порядка доводов. *Память слов* — удержание речи дословно. Первую хвалили все, вторую многие считали трудом чрезмерным и мало полезным.

Различали и *память природную* — ту, что дана, — и *искусственную* — ту, что приобретена упражнением. Оговаривались при этом здраво: искусство укрепляет природное, но не заменяет его вовсе.

Слова эти держатся доныне, и держится вместе с ними главное: искусство памяти есть *ремесло*, коему учат и учатся, а не свойство, с коим родятся.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Три основания

❖

Всё дальнейшее стоит на трёх положениях, известных ещё римским учителям и подтверждённых нынешними опытами.

Первое: место. Память на пространство сильнее памяти на отвлечённое. Человек, побывавший в доме однажды, назавтра пройдёт по нему в воображении и укажет, где что стояло, — тогда как список из двадцати слов забудет за час.

Второе: образ. Удерживается зримое, движущееся, необычное, задевающее чувство. Слово «справедливость» не удержится; весы, которые кто-то роняет с грохотом посреди кухни, удержатся надолго.

Третье: порядок. Места берутся не вразброс, а в известной последовательности — так, чтобы обход был всегда один и тот же. Отсюда возможность назвать заученное и с начала, и с конца, и с середины — чем и удивляли риторы.

Соединение трёх даёт всё искусство: *отвлечённое обращается в образ, образ ставится на место, места проходятся по порядку*. Ничего сверх этого в нём нет, и всякий позднейший приём есть разработка одного из трёх.

Заметим и то, отчего оно работает: припоминание есть не поиск в куче, а *следование по подсказкам*. Место служит подсказкой образу, образ — содержанию. Кто заготовил подсказки заранее, тот не ищет, а идёт.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Симонид и рождение приёма

❖

Предание, передаваемое Цицероном, относит рождение искусства к случаю, и случай этот поучителен независимо от того, был ли он.

Поэт Симонид Кеосский пел на пиру у фессалийца Скопаса. Посреди пира его вызвали к дверям — будто бы двое юношей ждали его; вышедши, он не нашёл никого. В то мгновение кровля залы обрушилась и погребла всех пировавших.

Тела были изувечены так, что родные не могли опознать своих. Тогда Симонид, вспомнив, кто где возлежал, назвал каждого по месту, где тот сидел, — и тем дал похоронить их по обряду.

Отсюда, говорит предание, он и вывел правило: *порядок мест хранит порядок вещей*. Кто желает помнить, тот пусть изберёт места и расставит по ним образы того, что хочет удержать.

Достоверность рассказа сомнительна, но существо схвачено верно, и опыты нашего времени это подтверждают: пространственная подсказка держит перечень лучше всякой иной. Оттого рассказ и живёт две с половиной тысячи лет — он сам устроен как хороший образ для запоминания.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Римские риторы

❖

У римлян искусство это сделалось частью школьного обучения, ибо оратору надлежало говорить часами без записи, а записывать в суде было не принято.

Древнейшее подробное изложение — в безымянной «Риторике к Гереннию», писанной около восьмидесятых годов до нашей эры. Там впервые расписаны правила: места избирать в безлюдном здании, не слишком светлые и не тёмные, на умеренном расстоянии друг от друга, и через каждые пять ставить примету.

Там же и правила образов: они должны быть *необычайны* — поразительные, смешные, окровавленные, увенчанные, — ибо обыкновенное не удерживается. Наставление это, писанное две тысячи лет назад, совпадает с нынешними опытами о необычном.

Цицерон в книге «Об ораторе» передаёт рассказ о Симониде и хвалит искусство; Квинтилиан излагает его подробно и с трезвостью: он признаёт пользу для перечней и предметов, но замечает, что учить дословную речь этим способом — труд едва ли не больший, чем выучить её прямо.

Замечание Квинтилиана и поныне верно, и мы к нему вернёмся в главе двадцать пятой. Древние, в отличие от иных нынешних наставников, не обещали чуда: они предлагали ремесло с известными пределами.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Средние века: память как добродетель

❖

С падением древней школы искусство не исчезло: оно перешло в монастыри и в университеты, где переменило назначение.

Книга была редка и дорога; читать её случалось недолго, а помнить надлежало годами. Оттого монах учился держать прочитанное в голове, а места и образы служили ему хранилищем.

Фома Аквинский и Альберт Великий отвели памяти место среди добродетелей: она считалась частью благоразумия — ибо кто не помнит прошлого, тот не рассудит о будущем. Искусство памяти сделалось не только полезным, но и должным.

Образы избирались сообразно назначению: пороки и добродетели, круги мучений и блаженства, лестницы восхождения. Церковь сама была таким хранилищем: изображения на стенах шли по порядку и служили местами для проповеди.

Отсюда важное для нас: *всякое расположенное по местам изображение есть память, устроенная снаружи*. Роспись храма, порядок икон, чередование окон — всё это делалось так, чтобы неграмотный удерживал повествование, идя вдоль стены.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Театры памяти и Джордано Бруно

❖

Возрождение придало искусству новый и странный оборот: из подспорья оратору оно обратилось в притязание на всеобщее знание.

Джулио Камилло построил в Венеции «театр памяти» — деревянное сооружение, где зритель стоял на месте актёра, а по ступеням и разрядам были расставлены образы, будто бы обнимавшие всё сущее. Замысел прославился, самого театра не сохранилось.

Джордано Бруно пошёл дальше: его вращающиеся круги с образами планет, знаков и стихий должны были не только хранить сведения, но и раскрывать связи вещей. Память сделалась у него отраслью магии — средством согласовать ум с устройством мира.

История эта известна главным образом по труду Фрэнсис Йейтс, вернувшей предмет учёному вниманию в 1966 году. Из её книги видно, как ремесло, ясное у римлян, обросло притязаниями и стало непригодным к употреблению.

Урок отсюда прост и годится всякому ремеслу: *приём, обещающий всё, перестаёт годиться на что-нибудь одно*. Оттого в этой книге мы держимся римской трезвости, а не венецианского размаха.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Забвение искусства и его возврат

❖

Печатный станок сделал книгу дешёвой, и надобность держать всё в голове отпала. Искусство памяти пришло в упадок — сперва как ненужное, потом как смешное.

В девятнадцатом веке оно жило на ярмарке: «феноменальная память» показывалась за деньги, а руководства продавались вразнос. Учёные же занялись памятью с иной стороны: Герман Эббингауз с 1885 года заучивал бессмысленные слоги и вывел то, о чём в главе одиннадцатой.

Возвращение произошло дважды. Учёное — книгою Йейтс, показавшей, чем было это искусство в истории. Обиходное — состязаниями памяти, начавшимися в 1991 году, где принялись за старые приёмы всерьёз и довели их до разрядов, о коих в главе двадцать восьмой.

Тогда же выяснилось замечательное. Победителей испытали на память вообще — и она оказалась обыкновенной; в снимках мозга не нашлось особенностей устройства, зато нашлась работа областей, ведающих *пространством*. Иначе говоря, они не были одарены — они пользовались приёмом.

Это, пожалуй, лучшее оправдание всей книги: *то, что выглядит как дар, оказывается ремеслом*. Ремеслу же можно выучиться.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

*

КАК УСТРОЕНА ПАМЯТЬ

Что известно о записи, хранении и извлечении,
по какому закону идёт забывание
и отчего проверка себя учит вернее перечитывания

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Три действия памяти

❖

Память не есть сосуд, куда кладут и откуда достают. Она есть три различных действия, и всякое из них может расстроиться отдельно.

Запись. Обращение воспринятого в след. Здесь решает не усердие, а *обработка*: то, о чём подумали, с чем связали, что представили, ложится прочно; то, что просто прошло перед глазами, не ложится вовсе.

Хранение. Удержание следа во времени. Здесь работает повторение с промежутками и сон, о чём в главах двенадцатой и шестнадцатой.

Извлечение. Отыскание нужного. Здесь решают *подсказки*: то, за что можно ухватиться. Большая часть того, что зовётся забыванием, есть не утрата следа, а неумение к нему подойти.

Различение это не отвлечённое. Оно указывает, где чинить. Не помню имени, но узнаю при подсказке — беда в извлечении. Читал и ничего не осталось — беда в записи. Знал вчера и не знаю через месяц — беда в хранении.

Всё искусство памяти есть по существу работа с *первым и третьим*: оно устраивает запись так, чтобы к ней заранее была приделана подсказка. В этом и состоит его отличие от простого зубрения.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Малый объём и его обход

❖

То, что человек держит в уме *сейчас*, невелико до обидного. Джордж Миллер в 1956 году назвал число семь плюс-минус два; позднейшие измерения ужали его до четырёх с небольшим.

Обходится это *укрупнением*: несколько единиц связываются в одну. Число 1812 удерживается как одна вещь — год, — хотя цифр в нём четыре. Опытный шахматист запоминает положение с доски мгновенно, ибо видит не тридцать фигур, а пять знакомых построений.

Отсюда правило, годное всюду: *чтобы вместить больше, укрупняй, а не тужься*. Телефонный номер разбивают на тройки; длинный перечень — на разряды; чужое слово — на знакомые куски.

Укрупнение опирается на прежнее знание: связать можно лишь с тем, что уже есть в голове. Оттого сведущий в предмете запоминает новое в нём легче не потому, что память его лучше, а потому, что ему есть к чему прикладывать.

Здесь же и предел искусства памяти, который следует знать наперёд: *оно даёт места и образы, но не даёт знания предмета*. Тот, кто не понимает, что учит, будет носить в дворце мешки с песком.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Забывание и его закон

❖

Забывание не есть порча памяти; это её обыкновенная работа, и идёт она по закону, впервые измеренному Германом Эббингаузом.

Он заучивал бессмысленные слоги и проверял себя через сроки. Вышла кривая: убывание стремительно вначале — в первые часы теряется большая часть, — а затем замедляется; то, что дожило до недели, доживает и до месяца.

Из этого следует правило, важнейшее для всякого учащегося: *повторять надлежит рано и часто вначале, редко потом*. Повторение через час стоит десяти повторений через месяц, ибо чинит след прежде, чем он осыпался.

Он же обнаружил и *сбережение*: заученное и забытое учится вторично быстрее, чем впервые. Значит, след не исчезает вовсе — он делается недоступен, а при повторении восстанавливается дешевле.

И третье, ободряющее: забывание избирательно. Скорее прочего уходит бессвязное; связанное со смыслом, с образом и с местом держится годами. Оттого искусство памяти есть, по существу, способ *изъять учимое из-под этого закона* — хотя бы отчасти.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Повторение с промежутками

❖

Из кривой забывания вытекает главный приём учения, известный ещё Эббингаузу и подтверждённый сотнями опытов: *повторения, разнесённые во времени, стоят многократно дороже собранных в кучу*.

Час, потраченный на заучивание разом, даёт меньше, чем четыре четверти часа, разнесённые по неделе. Это установлено надёжно и для слов, и для наук, и для телесных навыков.

Порядок промежутков берут растущий: повторить через день, затем через три, затем через неделю, затем через месяц. Всякий раз — тогда, когда вспоминается с трудом, но ещё вспоминается: *лёгкое повторение почти бесполезно*.

На этом устроены карточки: на одной стороне вопрос, на другой ответ; отвеченные откладывают дальше, неотвеченные возвращают ближе. Нынешние приложения делают то же самое счётом, но существо старое.

Заметим, отчего это идёт вразрез с ощущением. Собранное в кучу заучивание даёт чувство лёгкости и уверенности — и оттого нравится. Разнесённое даётся тяжелее и кажется менее успешным, а держится дольше. Здесь ощущение обманывает, и полагаться следует на счёт.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Извлечение сильнее перечитывания

❖

Второе правило учения столь же надёжно и столь же противно ощущению: *вспоминать полезнее, чем перечитывать*.

Опыт ставится просто. Одни читают текст четырежды; другие читают однажды и трижды пересказывают себе по памяти, не заглядывая. Через неделю вторые помнят заметно больше — хотя после занятия были уверены, что помнят хуже.

Причина в том, что всякое припоминание есть не только проверка, но и *укрепление*: доставая след, мы прокладываем к нему дорогу. Перечитывание же даёт узнавание — обманчивое чувство «я это знаю», — а дороги не прокладывает.

Отсюда порядок работы с книгой: прочесть отрывок, закрыть, изложить себе вслух или письменно; лишь потом свериться. Ошибки при этом полезны: неудачная попытка вспомнить, за коей следует верный ответ, укрепляет вернее гладкого чтения.

И отсюда же приговор излюбленному способу учащихся — подчёркиванию и переписыванию. Оба дают чувство работы и почти ничего не дают памяти: рука занята, а извлечения нет.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Смысл и глубина обработки

❖

Третье правило: удерживается то, что *обработано глубоко*, — то есть понято, связано, представлено, приложено к себе.

Опыт, показавший это, прост. Одним велели считать буквы в слове, другим — искать рифму, третьим — решить, подходит ли слово к предложению по смыслу. Никого не предупреждали о проверке; помнили же лучше всех третьи, и с большим отрывом.

Отсюда наставление: прежде чем учить, *спроси, о чём это*. Связанное с известным, приложенное к своему опыту, объяснённое своими словами — ложится само. Заученное без понимания требует вдесятеро больше труда и держится вдесятеро хуже.

Особо сильна связь с собою: то, что человек приложил к своей жизни, помнится лучше прочего. Оттого при учении полезно спрашивать «где это встретится мне» — хотя бы ответ был и натянутым.

Здесь и место искусству памяти в общем ряду. Оно есть приём *для того, что смысла лишено*: перечни, порядок, числа, чужие слова, имена. Там, где смысл есть, работают им; там, где его нет, ставят места и образы.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Место, состояние и подсказка

❖

Извлечение зависит от того, насколько обстановка припоминания похожа на обстановку заучивания. Правило это старое и подтверждено опытами, из коих один особенно нагляден.

Водолазов заставляли учить слова на берегу и под водою, а после проверяли там и там. Выученное под водою вспоминалось под водою лучше, чем на берегу, и наоборот. Место, оказывается, само служит подсказкою.

То же и с состоянием: выученное в тревоге хуже вспоминается в покое, и наоборот. Оттого готовящийся к испытанию хорошо делает, если хоть раз повторит не за столом, а стоя, в чужой комнате и волнуясь.

Правило из этого выводится двоякое. Для прочного учения — *менять места и обстоятельства*: заученное в разных местах не привязывается к одному и вспоминается всюду. Для важного случая — *приближать* обстановку учения к обстановке дела.

Здесь же объясняется и сила искусства памяти. Оно не полагается на случайную обстановку, а *носит свои подсказки с собою*: места дворца при человеке всегда, где бы он ни стоял.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Сон и память

❖

Учение не кончается закрытием книги: значительная часть работы совершается ночью, и это установлено надёжно.

Во сне свежие следы перебираются и укрепляются: то, что было выучено днём, воспроизводится мозгом в убыстренном виде, связывается с прежним знанием и переносится на долгое хранение. Оттого выученное перед сном держится лучше выученного утром при равном труде.

Опыты показали и большее: даже короткий дневной сон после учения улучшает удержание, а бессонная ночь после занятия отнимает изрядную часть добытого — и восполнить это последующим сном уже не удаётся.

Отсюда наставления учащемуся, простые до скуки и оттого пренебрегаемые. Учить перед сном, а не вместо сна. Не жертвовать ночью ради последнего повторения: потеря будет больше прибавки. Повторить утром бегло — закрепить сделанное ночью.

Заметим и то, что никакой приём этого не заменяет. Ни дворец, ни цепь, ни повторение не работают у невыспавшегося: запись у него слаба, а извлечение медленно. Сон есть условие ремесла, а не пожелание.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ПРИЁМЫ

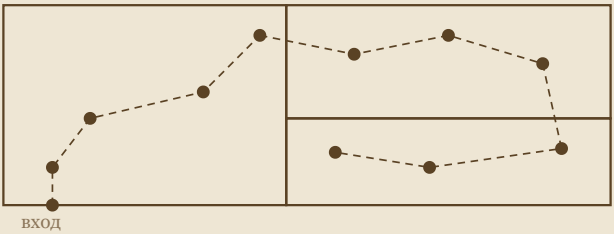
Как строят дворец, каковы правила образа,
чем берут числа и чужие слова
и отчего имена труднее всего прочего

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Дворец памяти: устройство

❖

Дворцом памяти зовут знакомое место, обходимое всегда в одном порядке, по которому расставляют образы. Название громкое; на деле это чаще всего собственная квартира.

МЕСТА, ВЗЯТЫЕ ПО ОДНОМУ ПУТИ ОБХОДА

Устройство таково. Избирается место, знакомое до мелочей. В нём назначается путь — от входа и далее, всегда один и тот же. Вдоль пути отмечаются *места*: угол, окно, стол, полка, кресло, печь. Числом от десяти до двадцати на первый раз.

Правила мест. Они должны быть *различны* между собою (два одинаковых окна дадут путаницу), *достаточно велики*, чтобы вместить образ, и *идти по порядку*, не пересекаясь и не возвращаясь.

Дворцов заводят несколько: один для речей, другой для перечней, третий для чисел. Употреблённый дворец очищается сам через день-другой, и на нём можно расставлять новое; но для того, что нужно хранить долго, держат отдельное здание, куда не кладут ничего временного.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Выбор мест и порядок обхода

❖

Половина неудач в этом деле происходит от дурно выбранных мест, а не от слабых образов. Оттого правила выбора стоит выписать подробно.

Место должно быть исхожено. Своя квартира, дом родителей, дорога от дома до работы, знакомая церковь, школьный коридор. Придуманное место годится хуже: его самого приходится помнить.

Порядок должен быть естественным. Так, как человек и вправду ходит: от двери направо и далее по стенке. Прыжки через комнату разрушают путь.

Места не слишком часты. Два соседних предмета на одном столе будут путаться. Расстояние в шаг-два — хорошая мера.

Освещение и величина. Древние советовали места не слишком светлые и не тёмные, средней величины; правило это разумно и ныне: образ должен быть виден целиком.

Приметы через каждые пять. «Риторика к Гереннию» велела ставить на всяком пятом месте знак — золотую руку, а на десятом иной, — чтобы не сбиться в счёте. Приём этот и поныне лучший способ называть заученное с любого места.

Путь надлежит пройти в воображении несколько раз *пустым*, покуда он не станет идти сам собою. Лишь потом на него ставят.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Образ: правила составления

❖

Образ есть то, во что обращается запоминаемое. Правила его составления известны от «Риторики к Гереннию» и подтверждены опытами о необычном.

Зримость. Образ должен быть видим: не «свобода», а разорванная цепь; не «отчёт», а стопка бумаги, рассыпающаяся по полу.

Движение. Неподвижное забывается. Пусть предмет падает, ломается, брызжет, катится.

Необычайность. Чрезмерная величина, невозможный цвет, нелепое соединение. Обыкновенное не удерживается: сотня стульев в памяти неотличима.

Чувство. Смешное, отвратительное, страшное, стыдное держится крепче безразличного. Древние советовали образы окровавленные и увенчанные — по той же причине.

Действие с местом. Образ не ставится рядом, а *сцепляется* с местом: не «яблоко у кресла», а яблоко, раздавленное креслом, с брызгами сока по подлокотнику.

И правило, сберегающее время: образ придумывается *быстро*, первый пришедший в голову. Долгий выбор не улучшает удержания, а расходует силы; а собственный образ, хотя бы и корявый, держится лучше чужого и красивого.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Связывание в цепь

❖

Есть приём проще дворца, годный там, где перечень короток: *цепь*, в которой всякий образ сцеплен со следующим.

Устроено так: первое связывается со вторым в одну картину, второе с третьим, и так далее. Молоко — хлеб — свеча: молоко льётся из хлеба, хлеб горит вместо свечи. Припоминание идёт по цепи, всякое звено тянет следующее.

Достоинства. Не нужно заранее заготовленных мест; учится мгновенно; годится для списка покупок и поручений.

Недостатки. Оборванное звено уносит остаток цепи. Нельзя назвать десятое, не пройдя девяти прежних. Не годится для длинных рядов и для того, что нужно надолго.

Оттого правило таково: *до дюжины — цепь, свыше — дворец*. Есть и соединение: короткие цепи по три-четыре образа ставятся на места дворца, и тогда одно место несёт несколько вещей.

Сюда же относится и простейшая мнемоника, известная всем: присказка о цветах радуги, слово из первых букв, ритм и рифма. Приёмы эти не хуже прочих; они лишь не расширяются — для каждого случая нужна своя выдумка.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Числа: превращение в слова

❖

Числа не запоминаются, ибо не имеют ни вида, ни смысла. Средство одно: обратить их в слова, а слова — в образы. Приём этот сложен в изучении и щедр в отдаче.

Устроен он так: каждой цифре назначается согласный звук, гласные же вольны и служат для составления слов. Расклад, принятый в русской переделке старой системы, таков:

> 0 — н | 1 — т, д | 2 — в, ф | 3 — м | 4 — ч, щ
> 5 — л | 6 — ш, ж | 7 — к, г | 8 — б, п | 9 — р

Тогда 15 обращается в «тело» или «тюль», 92 — в «рёв», 31 — в «мёд», 74 — в «ключ». Двузначные числа заучиваются раз навсегда — сто слов, — и далее всякое длинное число разбивается на пары и составляется из готовых образов.

Труд первоначальный немал: сотню слов подбирают неделю и заучивают месяц. Зато после этого числа перестают быть препятствием: год, счёт, порядок цифр ложатся на места дворца, как всякий иной образ.

Заметим, что расклад можно составить и свой — лишь бы звуки были различимы и слова получались зримые. Чужая таблица, взятая без переделки, всегда хуже своей.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Колода образов

❖

Для быстрого запоминания длинных рядов — чисел, карт, знаков — состязатели изобрели приём, где на одно место кладут не один образ, а целую сценку.

Устройство таково. Всякой паре цифр (или всякой карте) назначается тройка: *лицо*, *действие* и *предмет*. Скажем, 15 — кузнец, кующий подкову; 92 — водолаз, надувающий шар.

Далее берут по три пары зараз и складывают из них одну сценку: лицо от первой, действие от второй, предмет от третьей. Кузнец надувает шар. Одно место дворца несёт таким образом шесть цифр, а сотня мест — шестьсот.

Приём этот требует изрядного приготовления: сотня лиц, сотня действий, сотня предметов заучиваются месяцами и должны отзываться мгновенно. Оттого он для состязателей и для тех, кому числа нужны ежедневно, а не для случайного употребления.

Для обихода довольно предыдущей главы. Приведён же он здесь затем, чтобы стало видно устройство «чудес памяти», о коих в главе тридцать седьмой: за ними стоит не дар, а таблица, выученная заранее.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Слова чужого языка

❖

Здесь искусство памяти приносит пользу очевиднее всего, ибо чужое слово есть чистый набор звуков, лишённый для нас смысла.

Приём зовётся *ключевым словом*. В чужом слове отыскивается созвучие с русским; из созвучия и значения составляется одна картина. Английское *lawn*, лужайка, созвучно «лань» — и вот лань пасётся посреди подстриженной лужайки. Испанское *huevo*, яйцо, созвучно «уэ-во» — яйцо, катящееся с воем.

Опыты подтвердили действенность: заучивание с ключевым словом даёт заметный перевес над простым повторением — особенно вначале, покуда слов немного.

Пределы у приёма есть, и о них умалчивают продавцы курсов. *Первое:* он даёт узнавание, а не свободное употребление; чтобы говорить, надобно упражнение в речи. *Второе:* при большом запасе созвучия начинают путаться. *Третье:* он не заменяет повторения с промежутками, а лишь облегчает первую запись.

Оттого разумный порядок таков: образом берут слово впервые, а держат его карточками с растущими промежутками, как сказано в главе двенадцатой. Приём и правило работают вместе, а не одно вместо другого.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Имена и лица

❖

Имена забываются чаще всего, и не по нашей вине: имя есть *чистый ярлык*, ничем не связанный с человеком. Про незнакомца легче вспомнить, что он булочник, чем что он Пекарев, — хотя слово почти то же.

Приём известен и состоит из четырёх шагов. **Первый:** услышать. Половина забытых имён не была расслышана вовсе, ибо в минуту знакомства человек занят собою.

Второй: повторить вслух — «очень приятно, Николай» — и хотя бы раз употребить в разговоре.

Третий: обратить имя в образ по созвучию: Николай — никелевая монета, Вера — свеча у иконы, Кузнецов — наковальня.

Четвёртый: прицепить образ к *приметной черте лица* — к бороде, к очкам, к высокому лбу; пусть монета блестит в его очках, пусть наковальня стоит на его подбородке.

И правило, стоящее всех приёмов: *повторить имя мысленно через час, через день и через неделю*. Это и есть повторение с промежутками из главы двенадцатой, приложенное к обиходу; без него никакой образ не спасёт.

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

*

ПРИЛОЖЕНИЕ

К чему это прикладывают: речь, науки, числа,
состязания и дневной порядок —
и что упражнение памяти даёт, а чего не даёт

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Речь без бумажки

❖

Ради этого искусство и было сложено, и здесь оно доныне полезнее всего.

Правило первое и главное, идущее от Квинтилиана: *учить не слова, а ход*. Дословное заучивание речи есть труд огромный и хрупкий: сбившийся на слове теряет всё. Заучивается порядок мыслей, а слова родятся при произнесении.

Устройство таково. Речь разбивается на части — десять или пятнадцать. Всякой части даётся один образ, содержащий её существо: не пересказ, а *крючок*. Образы ставятся по местам дворца в порядке речи.

При произнесении оратор мысленно идёт по дворцу. Кончив у окна, переходит к креслу — и следующая мысль является сама. Отсюда и наши выражения «во-первых», «во-вторых», и латинское *loci* — «места», от коего наши «общие места».

Достоинство приёма не только в памяти: он даёт *свободу*. Оратор, не привязанный к словам, глядит на слушателей, может сократить часть, переставить, ответить на вопрос и вернуться. Читающий с бумаги этого не может.

И совет опытных: последнюю часть и первую всё же выучить дословно. Начало и конец решают впечатление, а в них более всего волнуются.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Учение книг и наук

❖

Здесь надлежит остеречь: искусство памяти в учении наук занимает место скромное, и кто ставит его на первое, тот теряет время.

Основа — понимание. Понятое связывается само и держится дёшево. Оттого сперва разобрать, объяснить себе своими словами, найти, из чего следует, — и лишь потом учить.

Опора — извлечение и промежутки. Пересказ себе по памяти и повторение по растущим срокам, как в главах двенадцатой и тринадцатой. Это даёт больше, чем все дворцы вместе взятые.

Дворец — для того, что смысла лишено: перечни, порядок царствований, разряды и подразделения, кости и мышцы, статьи и сроки, формулы, которые надо помнить наизусть.

Порядок работы таков: разобрать предмет, выделить в нём немногое, что надлежит знать наизусть, обратить это в образы, расставить по местам — и после держать повторением. Дворец здесь работает как *оглавление*, а не как хранилище всего.

И примета неверного употребления: если в дворец кладут то, что можно вывести или понять, — учат не тем концом. Память в этом случае служит подпоркою невежеству, а не знанию.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Числа в обиходе

❖

Приложим приём из главы двадцать первой к тому, что встречается всякий день.

Даты. Год обращается в пару слов и связывается с образом события: 1861 — «тачка» и «жгут»; картина ставится на место, отведённое веку. Так порядок дат делается обходимым.

Числа обихода — телефон, номер машины, счёт в магазине, срок годности. Здесь довольно цепи из двух-трёх образов, и держится она столько, сколько нужно.

Расписания и очерёдности — ложатся на дворец естественно и без хитростей.

И предостережение, важное в наши дни. **Не держите в памяти паролей и ключей от денег.** Не потому, что нельзя, — можно, — а потому, что человеку свойственно заболеть, забыть в потрясении и умереть не вовремя. Для этого есть хранилища ключей и записанное на бумаге в надёжном месте; память же ненадёжна именно тогда, когда нужнее всего.

Правило общее таково: *память для того, что нужно быстро и часто; запись для того, что должно быть верно и однажды.*

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Состязания памяти

❖

С 1991 года устраиваются состязания, где предмет один: запомнить как можно больше за назначенный срок. Разбор их полезен, ибо показывает и предел приёмов, и их природу.

Разряды таковы: колода карт по порядку; ряды цифр, читаемые с листа и на слух; имена и лица; отвлечённые изображения. Сроки жёсткие, проверка строгая.

Достижения кажутся невероятными: колода за считанные десятки секунд, сотни цифр за пять минут. Всё это делается приёмами, изложенными в главах двадцать первой и двадцать второй, доведёнными до мгновенности упражнением.

Самое поучительное — проверка самих состязателей. Их испытали на обыкновенную память: она оказалась средней. В снимках мозга не нашлось особенностей устройства — нашлось лишь усиленное участие областей, ведающих пространством, то есть работа дворца.

Более того: обыкновенных людей обучили тем же приёмам, и через шесть недель занятий их успехи в запоминании рядов приблизились к состязательским, а работа мозга сделалась похожей. Это и есть лучшее доказательство: *перед нами ремесло, а не дар*.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Дневной порядок занятий

❖

Соберём приёмы в порядок, годный для того, кто учится всерьёз, — будь то школьник, студент или взрослый, взявшийся за чужой язык.

Утром — повторение вчерашнего по памяти, без книги: четверть часа, извлечением, а не чтением.

Днём — новое: разобрать, понять, пересказать себе; и лишь то, что не поддаётся смыслу, обратить в образы и расставить.

Вечером, перед сном — беглый обход того, что расставлено днём. Ночь довершит работу, как сказано в главе шестнадцатой.

По растущим срокам — повторения через день, через три, через неделю, через месяц; карточками либо обходом дворца.

Раз в неделю — чистая проверка: изложить весь предмет по памяти на бумаге и сверить. Это же и есть лучшее упражнение из всех.

Занятий — по часу с четвертью, с перерывом; свыше того голова берёт плохо. И правило, о коем забывают: *лучше двадцать минут ежедневно, чем три часа по субботам*.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Записная книжка против памяти

❖

Возражают: зачем всё это, когда всякое сведение лежит в кармане и достаётся в три касания. Возражение серьёзно, и ответить надлежит честно.

Записывать следует. Никакая память не заменит записанного там, где нужна точность и долговечность: счета, договоры, назначения врача, ключи. Об этом сказано в главе двадцать седьмой.

Но записанное вне головы не участвует в мышлении. Рассуждать можно лишь тем, что при себе: связывать, сравнивать, замечать сходство. Тот, у кого в голове пусто, а всё в приборе, не сообразит ничего сверх того, что спросит.

Замечено и то, что зовут забыванием по доверенности: сведение, о котором известно, что оно сохранено вовне, запоминается хуже — ум не трудится над тем, что и так лежит.

Отсюда честное распределение. *В голове* — то, чем думаешь: понятия предмета, порядок дела, имена людей, с коими живёшь, ход своей речи. *В записи* — то, что должно быть точным и редко нужным.

И заметим о выгоде для самого себя: помнящий свободнее. Он говорит, не глядя в бумагу; узнаёт человека и зовёт по имени; идёт по чужому городу, не утыкаясь в прибор. Ремесло это покупает не столько сведения, сколько *непринуждённость*.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Память с годами

❖

С возрастом память меняется неровно, и знать это полезно, чтобы не приписывать себе беды прежде времени.

Убывает прежде всего скорость: запись идёт медленнее, извлечение требует больше времени, имена всплывают с задержкою. Хуже даётся и удержание нескольких дел разом.

Держится запас слов, знание своего ремесла, умения; сохраняется и то, что было связано со смыслом. Оттого сведущий старик помнит по своему предмету больше молодого.

Помогает проверенное и скучное: движение — всего надёжнее; сон; слух и зрение, поправленные вовремя, ибо нерасслышанное не запоминается; общение с людьми; лечение давления и сахара. Всё это подтверждено, и всё это скучнее, чем упражнения для ума.

Приёмы этой книги служат и здесь — особенно записанный порядок дня, дворец для поручений и правило повторять имя при знакомстве. Они не отменяют возрастных перемен, но делают их менее заметными в обиходе.

И честное различение: *забывать имена и искать очки — обыкновенно; забывать дорогу домой и не узнавать близких — повод для врача, а не для упражнений*. Смешивать эти два разряда опасно в обе стороны.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Чего упражнение не переносит

❖

Скажем прямо о самом распространённом заблуждении: упражнение в приёмах памяти не делает память вообще лучше.

Проверено это многократно. Обучившиеся дворцу и таблицам запоминают ряды цифр вдесятеро против прежнего — и остаются при своём, когда их просят запомнить содержание рассказа или где они оставили ключи.

То же и с играми для ума, продаваемыми как средство от старения: упражняющиеся делаются лучше *в этих играх*, а перенос на прочие дела оказывается ничтожным. Это сводный итог многих проверок, и он устойчив.

Отчего же так? Оттого, что приём есть *устройство*, а не сила: он даёт способ для того, что в него положено нарочно. Способ этот не работает сам собою и не распространяется на всё, о чём человек не подумал заранее.

Отсюда честная мера пользы. Искусство памяти даёт: перечни, числа, речи, имена, чужие слова, порядок дела — всё, что берут в него сознательно. Не даёт: общей сообразительности, ума, внимания и защиты от старения.

И потому лучшее употребление ему — не в состязании, а в обиходе: помнить имена, держать ход разговора, не заглядывать в бумагу. Здесь оно окупается ежедневно.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

*

ОБОРОТНАЯ СТОРОНА

Чем платят за память без забвения,
отчего воспоминание складывается заново
и почему уверенность не есть свидетельство точности

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Человек, который не забывал

❖

Александр Лурия три десятилетия наблюдал газетного репортёра Соломона Шерешевского, память коего не имела видимого предела. Он воспроизводил ряды из семидесяти знаков через много лет после однократного прочтения.

Устроена она была на смешении чувств: звук имел у него цвет и вкус, число — облик и характер. Всякое слово рождало картину само собою, без усилия, и картина эта не выцветала.

Пользовался он при этом тем же приёмом, о коем вся третья часть: расставлял образы вдоль знакомой улицы и шёл по ней при припоминании. Ошибки его были ошибками не памяти, а *чтения*: поставив образ в тени под фонарём, он мог его не заметить.

Беда его была в обратном: он не умел забывать. Прочитанное лезло поверх нужного; за образами он терял смысл написанного; отвлечённое и переносное давалось ему с трудом — ибо всякое слово тотчас обращалось в картину. Кончил он выступлениями на эстраде, показывая свою память как диковину.

Отсюда вывод, важный для всей книги: *забывание есть не изъян, а работа*. Оно отсеивает несущественное и позволяет обобщать. Желать памяти без забвения — желать беды.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Воспоминание складывается заново

❖

Главное, что следует знать о памяти, идёт вразрез с обиходным представлением: она не хранит записи, подобно бумаге, и не воспроизводит былое — она *складывает его заново* при всяком припоминании.

Фредерик Бартлетт показал это ещё в тридцатые годы. Он давал англичанам читать чужеземное предание и просил пересказать через сроки. Пересказы делались короче, глаже и *привычнее*: непонятное выпадало или заменялось знакомым, странное объяснялось.

Отсюда и правила перестройки, действующие у всякого. Подробности отпадают; остающееся заостряется; целое подгоняется под то, чего мы и без того ожидали; пробелы заполняются само собою — и заполненное после неотличимо от помнимого.

Обнаружено и то, что след, будучи извлечён, делается на время податливым и укладывается обратно уже изменённым. Оттого часто пересказанное воспоминание — не самое верное, а самое *обкатанное*: оно помнит последний пересказ, а не событие.

Для нашего ремесла отсюда следствие двоякое. Хорошее: искусство памяти работает именно потому, что память любит образы и связи. Дурное: никакое искусство не делает воспоминание точным — оно лишь удерживает то, что положено нарочно.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Уверенность не есть точность

❖

Из предыдущей главы вытекает то, что стоило свободы многим людям: *сила уверенности не говорит о верности воспоминания*.

Есть род воспоминаний, называемых вспышками: где человек был, когда узнал о великом событии. Люди помнят их ярко и клянутся в точности. Проверка — сличение записей, сделанных назавтра, с рассказами через годы — показала: подробности расходятся у большинства, а уверенность при этом не убывает нимало.

То же и со свидетелями. Опознание по памяти есть частейшая причина осуждения невиновных; при пересмотре дел по вещественным доказательствам ошибочное опознание оказывалось в основании большинства таких приговоров.

Причина не во лжи. Свидетель добросовестен: он вправду видит перед собою лицо. Но лицо это могло сложиться из виденного после — на снимке, на очной ставке, в рассказе следователя, — а память об источнике слабее памяти о содержании.

Отсюда правило, годное и в суде, и в семейном споре: *«я это ясно помню» не есть довод*. Довод — запись, сделанная тогда же, вещь, сохранившаяся с той поры, свидетель, не говоривший с вами после.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Припоминание, наведённое извне

❖

Память принимает внушённое так же охотно, как и происшедшее, и после не отличает одного от другого. Об этом подробно сказано в книге о внушении; здесь — то, что касается памяти напрямую.

Опыты Элизабет Лофтус показали: довольно вопроса, содержащего ответ. Спрошенные о том, как быстро машины «врезались», называли скорость выше и через неделю «вспоминали» разбитое стекло, которого не было.

Показано и большее: настойчивым расспросом с ссылкою на родню людям внушали целые события детства, коих не бывало вовсе. Заметная доля через несколько бесед вспоминала подробности — и переживала их как подлинные.

Отсюда прямой запрет для всякого, кто расспрашивает: *вопрос, подсказывающий ответ, создаёт воспоминание*. Особенно опасны беседы, в коих кто-либо помогает «вспомнить забытое», — в кабинете, под гипнозом или в дружеском разговоре.

И заметим печальное следствие для нашего ремесла. Дворец памяти удерживает *положенное в него сознательно* — и никак не защищает от того, что подложено в память извне. Искусство памяти не есть искусство истины.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Мнимые чудеса памяти

❖

Раз уж мы выучили приёмы, полезно знать, как из них делаются зрелища, — хотя бы для того, чтобы не принимать ремесло за дар.

Честные номера. Колода карт, длинный ряд цифр, сотня слов от зрителей, счёт в уме, схваченные взглядом рассыпанные спички — всё это делается приёмами третьей части. Михаил Куни работал так и говорил о своём искусстве прямо, как об упражнении.

Полу-честные. Заранее выученная колода, известная артисту порядком; ряд, который зритель составляет из ограниченного набора; «случайные» слова, подсказанные обстановкой.

Нечестные. Подставной помощник; условный говор, о коем в книге о ментализме; подмена бумаги; чтение записанного зрителем. Здесь память не участвует вовсе — участвует ловкость.

Отличить одно от другого зрителю трудно, а различить полезно, и примета такова: *честный номер выдерживает перемену условий*. Пусть ряд диктует не помощник, а любой из зала; пусть колода будет своя. Кто соглашается — работает памятью.

И примета обратная, годная и вне сцены: *слишком точное попадание есть признак способа, а не силы*. Человек, помнящий по-настоящему, ошибается в мелочах; безошибочность выдаёт устройство.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Чего искусство памяти не может

❖

Соберём пределы. Их знание сберегает годы, потраченные иными на погоню за небывалым.

Оно не делает память лучше вообще — работает лишь для того, что положено в него нарочно, как показано в главе тридцать второй.

Оно не заменяет понимания. Заученное без смысла остаётся набором знаков; наука так не даётся.

Оно не даёт точности воспоминаний о пережитом: тут действуют перестройка и внушение, против коих приёмы бессильны.

Оно не отменяет повторения. Образ, поставленный однажды и не пройденный вторично, осыпается по закону забывания, как и всё прочее.

Оно не лечит болезней памяти и не оберегает от старения; о том, что помогает вправду, сказано в главе тридцать первой.

И самое существенное: *оно не даёт ума*. Помнящий много и не умеющий рассуждать есть человек с полным сундуком и без ключа. Древние это знали и потому ставили память среди частей риторики, а не выше их.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Правила упражняющегося

❖

Соберём правила, разбросанные по книге, в порядок, годный для ежедневного употребления.

> Понять, обратить в образ, поставить на место,
> пройти по местам — и повторить назавтра.
> Вот всё ремесло.

Начинать с малого. Один дворец, двадцать мест, перечень из десяти вещей. Не браться за сотню, покуда не пройдены десять.

Свои образы, а не чужие. Корявый собственный держится лучше красивого заимствованного.

Быстро, а не тщательно. Первый пришедший образ; долгий выбор расходует силы и ничего не прибавляет.

Проходить пустой дворец прежде, чем ставить, и проверять поставленное через час и через день.

Не смешивать хранилищ: отдельные здания для долгого и для временного.

И не хвалиться. Ремесло это охотно обращается в фокус, а фокус — в притязание на дар. Кто показывает своё умение, обязан сказать, как оно сделано, — иначе он уже не помнящий, а обманывающий.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ

Заключение: место, образ, порядок

❖

Сведём книгу к тому немногому, что стоит держать в памяти без справок — и без дворца.

Память держится тремя вещами: *местом*, ибо пространство мы помним лучше всего; *образом*, ибо зримое и необычное удерживается; *порядком*, ибо припоминание есть обход, а не поиск.

Учение же держится тремя правилами, которые сильнее всяких приёмов: *понимать прежде, чем учить*; *вспоминать, а не перечитывать*; *повторять по растущим срокам и спать после учения*.

Искусство памяти есть ремесло с известными пределами. Оно берёт на себя бессмысленное — перечни, числа, имена, чужие слова, порядок речи — и освобождает голову для того, чем думают. Обещающий сверх этого продаёт воздух.

И оборотная сторона, о коей нельзя забывать: *помнить ярко не значит помнить верно*. Память складывает былое заново, принимает подсказанное и не убавляет уверенности при этом. Оттого записанное вовремя дороже самого твёрдого припоминания.

Всё прочее в этой книге есть подробность к сказанному. Кто, взявшись за новое, спросит себя: *понял ли я это; куда я это поставлю; когда я это повторю*, — тот владеет ремеслом, хотя бы не выстроил ни одного дворца.

❊

ИСКУССТВО ПАМЯТИ

Места, образы и порядок

Изложение в сорока главах

O.V.K — X.T.R

Набрано и свёрстано
для настольного издания
формата 148 × 210 мм